

Филологический факультет Сегедского университета, Аспирантура по
языкознанию, Специальность историческая славистика
(Szegei Tudományegyetem Bölcsész tudományi Kar, Nyelvtudományi Doktori Iskola,
Történeti szlavisztika alprogram)

Тезисы диссертационной работы

**Милятино евангелие – источник изучения истории
русского языка**

(A Miljatyin-evangélium mint az orosz nyelvtörténet tanulmányozásának forrása)

Антошквив Галина

2014

Руководитель аспирантуры по языкознанию:
Др. Кенешеи Иштван

Руководитель темы:
Др. Балаж Л. Габор

Руководитель специальности по исторической славистике:
Др. Кочиш Михай

Милятино евангелие – источник изучения истории русского языка

Введение

Древнерусские рукописи и по сей день являются очень важными, незаменимыми источниками в различных областях науки: истории, археографии, палеографии, лингвистики и т. д. Особый интерес рукописные материалы представляют для лингвистов и палеографов. Именно на базе рукописей ученые смогли заложить фундамент знаний древнерусского языка. Древние рукописи также становятся непосредственными источниками для изучения церковнославянского языка.

В нашем случае диссертационное исследование посвящено комплексному описанию древнерусской рукописи конца XII – начала XIII вв., которой является Милятино евангелие (*MmE*). Сохраняется рукопись в РНБ под №117, Ф. п. I. 7¹ (*Археографический ежегодник* 1966: 199; Жуковская 1976: 289; Карский 1979: 46, 294; Шмидт 1984: 143). Изучение рукописи охватывает описание ее внешнего вида, письма, языка, содержание текста. Такая схема изучения рукописи распространенная, и ее правильность подтверждается многочисленными работами с рукописными памятниками (Издание *Будапештского евангелия* – рукописи XI–XII вв. [Заимов; Х. Тот; Балаж 2003] разработано по выше приведенному принципу и послужило образцом для изучения *MmE*).

Приступая к изучению древних памятников письменности, одной из первых задачей является установление ее подлинности (Vakró-Nagy 2010: 151). В нашем случае доказывать подлинность *MmE* не приходится. С рукописью работали такие ученые как Востоков, Калайдович, Срезневский, Воскресенский, Карский, Жуковская и т. д. (Шмидт 1984: 143). Сам текст *MmE* (фотокопии рукописи) был мне предоставлен профессором И. Х. Тотом. Благодаря ему, я получила уникальную возможность для изучения данной рукописи.

Итак, цель исследования – комплексное изучение древнерусской рукописи *MmE*. Достижение поставленной цели возможно благодаря реализации конкретных задач. Задачи исследования *MmE*, привлекая графический,

¹ Буква F обозначает формат (в лист), русская буква «п» означает, что рукопись пергаменная; следующие затем римские цифры указывают на принадлежность рукописи к тематическому разделу (разд. I – богословие [...]) и арабские – номер единицы хранения (Шмидт 1984: 17).

фонетическо-фонологический и морфологический уровни языка: установить принадлежность рукописи (время и место написания); описать элементы старославянского языка; проследить влияние древнерусского языка; выделить нормы церковно-книжного написания; выявить характерные древненовгородскому диалекту элементы, объяснить их (говор переписчиков).

Синтаксис и лексика *МмЕ* в данной работе не рассматривается.

Важность изучения старославянского языка и его глубину присутствия в рукописи продиктована присутствием большого количества старославянизмов в современном русском языке: «старославянские элементы стали использоваться в качестве стилистического средства в поэзии и публицистике» (Елкина 1960: 6). Поэтому основательное изучение *МмЕ* как источника древнерусского языка было бы неполным без анализа находящихся в нем таких элементов.

Старославянизмы попали в современный русский язык через церковнославянский язык. Исследование церковнославянского языка *МмЕ* (церковнославянский язык – это литературный язык северо-восточных славян до XVII в. [Елкина 1960: 6; Феринц 2011: 83]) сводится к изучению книжных норм правописания. По мнению Успенского [2002: 7-8] церковнославянский язык «по своему исходному смыслу язык книжный, т. е. нормированный, связанный с грамотностью, с книжным учением. Литературный язык связан при этом со специальной книжной нормой. Тем самым, история литературного языка – это история нормы». Известно, что церковнославянский язык не был единым на территории Древней Руси. Учеными предполагается, что на образование русской редакции церковнославянского языка имели влияние и местные древние говоры восточных славян (в данном случае древненовгородский диалект). Действительно, в нашей рукописи представлена хорошо различимая древненовгородская школа: смешивания *ч~ц*; смешение *ѣ~и*; прояснение *ѣ>и*, или наоборот: *и>ѣ*.; наличие *жг*. По мнению Успенского [2002: 191] диалектные различия только «локальные орфографические особенности» и «не определяют признаки самостоятельных редакций церковнославянского языка: они характеризуют варианты, допустимые (но не обязательные) в пределах единой нормы».

А. А. Зализняк много работал с берестяными грамотами, в которых зафиксирован древненовгородский диалект XI-XIV вв. Он убежден, опираясь на

убедительные доказательства исследования и предоставляя их (графика, фонетика, морфология), что теорию об общем языковом периоде восточных славян (XI по XIV вв.), в научной литературе называемом древнерусским, надо пересмотреть. По его мнению древненовгородский диалект раннего периода XI в. может выступать «как диалект позднего праславянского языка, входящий в группу восточнославянских диалектов» (Зализняк 2004: 7). И продолжает: «Если бы древненовгородское государство продолжало самостоятельное существование, этот процесс (процесс языковой консолидации, то есть развитие самостоятельного языка на базе местных идиом Новгородской земли) должен был бы привести к формированию особого восточнославянского языка, подобно, например, белорусскому или украинскому» (Зализняк 2004:7). Такую схему развития языка поддерживает Шевелев, изучающий фонологию украинского языка [Шевельов 2002: 47, 54-55], а также профессор К. Адыгаши (в *Мнениях оппонента*). При исследовании *МтЕ* понятие *древнерусский язык* традиционно обозначает общий период (XI-XIV вв.) в развитии восточнославянских языков, в таком значении он и применяется в работе (не исключая правильности нового направления в изучении этого периода).

Особое внимание придавалось выделению элементов принадлежащих древненовгородскому диалекту. Несмотря на древность *МтЕ* и соблюдаемую переписчиками строгость, характерную для богослужебных канонических книг, в рукописи довольно много некнижных черт, так называемых «описок», которые соответствуют разговорной речи писцов (или переписчик «ошибается», используя графическую норму бытового письма (берестяные грамоты) древненовгородского говора).

Диссертационное исследование состоит из введения и четырех глав, заключения, церковнославянского календаря (синаксария), списка литературы, полного текста *МтЕ* и приложения.

План работы по содержанию

Кодикологическое и палеографическое описание рукописи: определяется материал листов; проблемы установления даты (точная дата написания в рукописи отсутствует, предположительная дата появления *MmE* устанавливается при сравнении записи первого основного писца Домки (I) и *I Новгородской хроники*); формат рукописи; число листов; число переписчиков (I, II); стиль письма; язык рукописи; переплет; внешний вид; степень сохранности; миниатюра; место хранения; а также предоставляется библиография, где упоминается *MmE*. Основная информация, использованная в этом разделе взята из *Сводного каталога славяно-русских летописных книг* под ред. Шмидта [1984].

MmE написано в два столбца по 23, 24, 25, 26 и один раз по 28 строк.

В этом же разделе рассматриваются следующие аспекты: тип письма (устав) и особенности почерков (I – 1а-44г, 64а-71г, 77в-160б и II – 45а-63г, 72а-77б); описание букв; особенности письма и некоторых букв, влияющих на определение даты рукописи (для этого рассматривается написание следующих букв **а, р, ц, щ, ѣ, ѡ**); литеральные отличия между I и II почерком (отмечается различие в написании буквы **ж**); инициалы; слова под титлом и выносом и их полные формы; приписки, запись, сноски; орнамент.

Второй раздел посвящается проблемам графической системы рукописи. Он состоит из следующих подглав: употребление графем греческого алфавита (**ω, ϕ, γ, ξ**); употребление графем гласных (**и, і, ї, оу, ю, љ, њ, ѣ, ѡ, ѣ, њ, ю**); употребление графем согласных (**з**); а также анализируется сочетаемость согласных букв **ш, ж, ч, щ (шт), ц, с, з** с гласными **а, ѡ, љ, оу, љ, ю, ѣ, е, ѣ, у, ѣ**); диалектные особенности графической системы (на конкретных примерах *MmE* рассматривается влияние древненовгородской графики (**ѣ→о, љ→е**), подмеченной и описанной Зализняком [2004: 21-35]).

Приступая к рассмотрению пунктов третьего раздела о фонетико-орфографических особенностях рукописи, представляю методологический принцип, который использовался при исследовании.

Виноградов, руководствуясь предположением Шахматова о том, что историк языка, раскрывая связь между буквами и звуками, должен учитывать традиционность и искусственность орфографии, в свою очередь дополняет: «помимо общих условий возникновения древнерусской письменности, объясняется: 1) влиянием древнерусского языка более отдаленного времени и 2) церковнославянского» (Виноградов 1920: 175). Такой подход составляет главное звено (фундамент) в методологии лингвистического изучения рукописей. Для установления правильного произношения звука необходимо извлечь его из-под ряда наслоения орфографических особенностей, присущих рукописи. Второй шаг – это привлечение исторической диалектологии, в данном случае материалов древненовгородского говора (которые достаточно обширные и наиболее исследованные). На этом уровне находим наибольшее число проникновения русизмов, которые составляют, образуют базу древнерусской редакции рукописи. А также обнаружены элементы, характеризующие древненовгородский диалект.

Исследование велось в следующем направлении: редуцированные гласные **ѣ, ѡ** (редуцированные в корнях и основах: а) *сильная позиция*; б) *слабая позиция*; редуцированные в суффиксах; редуцированные в окончаниях; редуцированные в предлогах и в префиксах); рефлексy континуантов праславянских сочетаний **tьrt, *tьrt, *tьlt, *tьlt* (происхождение; старославянские, древнерусские и древненовгородские формы; проблема в определении произношения); напряженные редуцированные *ĭ, ĭ*; употребление буквы **ѣ** (в рефлексax праславянских сочетаний **tert, *telt*; **ѣ** в корнях и основах; **ѣ** в суффиксах; **ѣ** в окончаниях; устанавливается этимология **ѣ**; раскрывается церковнославянское написание, рассматривается проблема в определении произношения; устанавливается разница в употреблении **ѣ** двух писцов); рефлексy **tort, *tolt* и **ort, *olt*; использование **а** и **оу** в начале слова; маловажные изменения в системе гласных; рефлексy **dj*; наличие буквосочетаний **ки, ги, хи**; вставочный *-l'*; вставочный *-д-*; маловажные изменения в системе согласных; диалектные особенности согласных; смешение **ч~ц**; рефлексy II и III палатализации; рефлекс **zd+j* (**жг**).

В четвертом разделе изучается морфология *MmE*: имена существительные разделяются по исконным тематическим гласным (согласным) на имена существительные с основой на *-ā-, *-jā-, *-ō-, *-jō-, *-ī-, *-ī- и на имена существительные с основой на согласный и на *-ī- (церковно-книжное написание окончания существительных с основой на *-ō- Т. п. ед. ч.: -ѣмъ, -ѣмъ; процесс перераспределения окончаний с учетом родовой принадлежности; возможные окончания древненовгородского диалекта). Имя прилагательное (положительная степень, средняя степень). Изучение местоимения происходит по разрядам: личные местоимения, возвратное местоимение, указательные местоимения, анафорическое и относительное местоимения, притяжательные и притяжательное возвратное местоимения, вопросительно-относительные и отрицательные местоимения, определительные и совокупные местоимения, адъективные местоимения. Числительные: изучаются количественные и порядковые. Формы глагола изучаются по схеме: презенс (церковно-книжное написание окончания глаголов 3-го л. ед. ч. и мн. ч.: -тъ), аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект, будущее время, повелительное наклонение, условное наклонение, супин и инфинитив, причастия.

Заключение

Как уже упоминалось выше, рукописью интересовались разные исследователи (Жуковская [1976] интересуется *MmE* с точки зрения текстологии; Карский [1979] с точки зрения палеографии). Однако полного комплексного описания *MmE* с текстом в научных изданиях не наблюдалось.

К сожалению, для полного, исчерпывающего кодикологического исследования не хватало самого главного – оригинала рукописи. Это учитывалось и при палеографическом описании рукописи (источником текста послужили фотокопии).

Из палеографического анализа следует, что дата написания *MmE* приходится скорее всего на 1188 г. Мне удалось уточнить число строчек в столбцах: по 23 строки (1а-65г); по 24 (66а-67г, 68б-68в, 69а-77в, 78а-98в, 99а-111г, 146в); по 25 (68а, 68г, 77г, 80б, 98г, 107а, 112а-119г, 120б-120в, 121а-129в, 130а-135г, 138а-146б, 147а-160а); по 26 (120а, 120г, 127г, 129г, 136а-137г, 142а-143г); по 28 (160б) (Из данных *Сводного каталога* [Шмидт 1984: 143] рукопись написана в два столбца по 23 строки).

Из палеографического и графического исследования почерков писцов наблюдаются различия в начертаниях второго писца (I-п. 1а-44г, 64а-71г, 77в-160б; II-п. 45а-63г, 72а-77б (Шмидт 1984: 143)). То есть, первая часть (45а-63г) работы второго переписчика заметно отличается от второй части (72а-77б). Первым моим предположением было то, что начинающий переписчик со временем стал искуснее, но разница в применении некоторых графических элементов (употребление \diamond – ϕ , \ddot{i} – \dot{i}) дает основание предполагать, что, возможно, имеем дело с работой третьего переписчика.

На основе лингвистического анализа рукописи установлено, что это – древнерусская редакция старославянского языка XII-XIII вв.. В этом случае важной задачей было установить церковно-книжные нормы написания. В первую очередь при исследовании древнерусской рукописи возникает вопрос об орфографии ѣ , ѡ и букв, употребляемых на их месте. В данной рукописи прослеживается ранний период древнерусского письма: церковно-книжной норме соответствует сохранение редуцированных в сильной позиции, то есть не

происходит прояснение в полную гласную (ограниченные примеры вокализации могли попасть из прототипа), в большинстве случаев редуцированные сохраняются и в слабой позиции. В ходе исследования определены следующие церковно-книжные нормы, которыми руководствовались писцы при работе: происходит мена юсов с гласными **ѡу**, **ѡ**, **ю**, **ѡ**, **ѡ**; смешение **ѣ~ѡ** в рефлексах праславянских сочетаний **tert*, **telt*; последовательное употребление древнерусских рефлексов **-ѣр-**, **-ѣл-**, **-ѣр-**, **-ѣл-** общеславянских дифтонгоидов **tьrt*, **tьrt*, **tьlt*, **tьlt*; использование вставочных **-l'** и **-л-**; употребление флексии **-ѣмь**, **-ѣмь**, личного окончания **-тъ** и форм имперфекта **-ѡѡхъ** (**-ѡхъ**), **-ѡѡхъ** (**-ѡхъ**), **-ѡѡхъ** (**-ѡхъ**), где **ѣ** полностью отстранен (в замене **ѣ** преобладает использование **ѡ** вместо **ѡ**). Отдельно отмечаются те случаи проникновения руссизмов, когда их написание еще не становится нормой (вариативность написания **ж**, **жд**, незначительное число древнерусских примеров праславянских дифтонгоидов **tort*, **tolt* и **ort*, **olt*). Отмечается явление древнерусского окончания **-ѣ** в существительных ж. р. с основой на **-jā-* в Р. п. ед. ч., И. и В. п. мн. ч. и с основой на **-jō-* м. р. в В. п. мн. ч., которое, по мнению Х. Тота, не ясно, по каким критериям становится нормой церковно-книжного написания (Х. Тот 1985: 269).

Анализируются фонетические явления и в отдельно взятых примерах (древнерусское **сѣмь** 129г).

Решение вопроса о влиянии говора (древненовгородского) на образования древнерусской редакции церковнославянского языка невозможно без сопоставления нескольких работ по этой теме.

Большинство руссизмов проникали через церковно-книжный язык писца (вышеприведенные примеры), и меньшее количество через его речь (Х. Тот 1985: 269).

На мой взгляд, в рукописи отмечается довольно много элементов древненовгородского диалекта: отмечаются примеры употребления графической системы древненовгородского диалекта; **ѡ>и**, или наоборот; встречающийся графемный ряд **ѣрь**, **ѣрь**, **ѣль**; смешивание **ѣ~ѡ~и**; смешение **ч~ц**;

древненовгородский рефлекс звукосочетания $*zd+j > жг$. Также отмечается пример древненовгородского окончания $-k$ у существительных с основой на $*-ā-$ ж. р. в Р. п. ед. ч. «В твердом варианте нормой является $-k$ » – на основе анализа берестяных грамот (Зализняк 2004: 97).

В указателе евангельских чтений характеризуется MmE как апракос-полный, дается его классификация и занимаемое им место среди других полных апракосов, отмечаются его особенности.

В дальнейшем становится возможным изучать рукопись в сравнении с другими древненовгородскими рукописями, материалами данного времени, что может войти в перспективу моих последующих исследований.

Литература

- Археографический ежегодник – Археографический ежегодник за 1965 год*, Москва: «Наука», 1966.
- Заимов – Заимов, Й., *Будапештское евангелие*, под ред.: Й. Заимов, И. Х. Тот, Г. Л. Балаж; авторы и сотрудники: Е. Дограмаджиева, Х. Майорош, Г. Л. Балаж, М. Кочиш, И. Пожгаи, И. Х. Тот, Сегед: Szegedi Tudományegyetem Bölcsészettudományi Kar Szláv Intézete, 2003, 49-65.
- Виноградов – Виноградов, В. В., *Методы изучения рукописей, как материала для постороения исторической фонетики русского языка, в исследованиях акад. А. А. Шахматова*, Известия ОРЯС, 1920 г. т. XXV. Пг. 1922, стр. 172-197.
- Елкина – Елкина, Н. М., *Старославянский язык*, Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1960.
- Жуковская – Жуковская, Л. П., *Текстология и язык древнейших славянских памятников*, Москва: Наука, 1976.
- Зализняк – Зализняк, А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Карский – Карский, Е. Ф., *Славянская кирилловская палеография*, Москва: Наука, 1979.
- Успенский – Успенский, Б. А., *История русского литературного языка (XI – XVII вв.)*, 3-е изд. Москва: Аспект пресс, 2002.
- Феринц – Феринц, И., *Древнерусское и барочное понимание слов «книга» и «писатель»* // Hungaro-Ruthenica V, Szeged, 2011, 83-91.
- Х. Тот – Х. Тот, И., *К изучению русской редакции древнеболгарского языка в конце XI – в начале XII вв.* // Studia Slavica Hung. XXXI, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985, 263-272.
- Х. Тот – Х. Тот, И., *К истории праславянских звукосочетаний *tьrt, *tьrt в болгарском и русском языках* // Hungaro-Ruthenica IV, Szeged. 2008, 223-228.
- Шевельов – Шевельов, Ю., *Исторична фонологія української мови*, Харків: АКТА, 2002.
- Шмидт – *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI – XIII вв.*, гл. редактор С. О. Шмидт, Москва: Наука, 1984.
- Bakró-Nagy – Bakró-Nagy Marianne, *Az adat a történeti nyelvészetben: megnyilatkozás, forrás, megbízhatóság* // Argumentum, 6, Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2010, 124-167.

Публикации по теме

Антошків, Г., *Вставні та випадні о, е наприкінці слова* //Hungaro-Ruthenica V, Szeged, 2011, 29-35.

Антошків, Г., *Церковный календарь с соответствующими чтениями Милятинога евангелия и их место в тексте* //Acta Universitatis Szegediensis Dissertationes Slavicae Sectio Linguistica XXIX, 2011, 5-17.

Антошків, Г., *Древнеболгарские элементы в Милятином евангелии (древнерусской рукописи нач. XII в. -кон. XIII в.)*. (Nemzetközi bulgarisztikai konferencia, Szeged, 2011. Május 26-27.; в печати).

Antoskiv, G., *Употребление буквы ѣ в Милятином евангелии* //Argumentum, 7, Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2011, 176-183.

Antoskiv, G., *A második teljeshangzósság a Miljatyin-evangéliumban (XII. sz. vége – XIII. sz. eleje)* //Bölcsészmuhely 2009, Szeged: JATEPress, 2010, 9-14.

Antoskiv, G., *Ónovgorodi eredetű jelenségek a Miljatyin-evangéliumban* (в печати).